

Евгений Аркадьевич Негин – друг и оппонент

Б. В. ЛИТВИНОВ

Е. А. Негин (справа) и М. Гернштейн – курсанты академии им. Жуковского (1944 г.)

Евгений Аркадьевич Негин много сделал для своей Родины. Он был удостоен высоких наград и званий, и при этом оставался удивительным, замечательным Человеком, простым и сердечным, память о котором должны хранить не только те, кто знал его, но и другие люди, особенно молодежь. Мы же, знавшие и любившие его, обязаны по крупицам собрать мозаику его портрета, чтобы он получился столь же ярким, каким был оригинал – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик, генерал, директор, учитель и друг Евгений Аркадьевич Негин.

В Атомный проект он попал вроде бы случайно. Годы обучения в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского связали Евгения Аркадьевича с еще одним замечательным человеком – Евгением Ивановичем Забабахиным. Когда в 1947 г. Я. Б. Зельдович пригласил Евгения Ивановича участвовать в создании первой советской атомной бомбы, тот поставил условие: он поедет работать куда угодно, если туда же согласятся взять и Негина. Так Евгений Ар-

кадьевич попал на объект Харитона – Зернова (КБ-11). По воспоминаниям Негина, Забабахина и многих других, те первые годы были временем их становления, познания нового пути в науке и технике.

Так уж сложилось, что я познакомился с Евгением Аркадьевичем Негиним в период моего становления как специалиста. Он был оппонентом на защите сначала моего дипломного проекта в 1953 г., а позже и моей кандидатской диссертации в 1961 г., уже в РФЯЦ-ВНИИТФ. Мы конкурировали, возглавляя большие конструкторские бюро, но при всем этом всегда оставались добрыми друзьями.

Мне всегда было интересно и приятно находиться в его обществе, даже когда приходилось спорить, отстаивая свою точку зрения. Наши споры никогда не переходили в перепалку. Мы уважали друг друга.

Всякий раз, приезжая в Саров, я обязательно заходил к нему и на работу, и домой. В его радушном доме за разговорами обо всем на свете время летело быстро и незаметно. Однажды мы проговорили до утра. Пришедшая в кабинет Валентина Романовна с удивлением спросила: «Как вы сегодня будете работать не спавши?». И сразу последовал быстрый ответ Евгения Аркадьевича: «С воодушевлением!». За словом он в карман не лез, оно всегда у него было наготове, остроумное и емкое.

Евгений Аркадьевич, где бы он ни появлялся, сразу же привлекал к себе внимание. При небольшом росте он держался прямо, с истинно военной выправкой. Красивое лицо, красивая и благородной посадки голова, откинута назад, как будто он смотрел свысока. Острый на язык Я. Б. Зельдович как-то сказал об этой манере Евгения Аркадьевича держать голову: «Вошел Негин, лежа на спине».

Но Евгений Аркадьевич не был высокомерен. Он обладал редким даром быстро сходиться с людьми, становиться своим в любом коллективе, как говорят, быть душой общества. Он умел чутко реагировать на изменение настроения окружающих и возвращать их в круг обсуждаемых вопросов. Я имел возможность бывать с Е. А. Негиним на совещаниях, в командировках на полигоны, и всюду он был на месте: со-

Е. А. Негин – начальник Лаборатории исторических исследований (ВНИИЭФ)

бранный, всегда готовый ответить на вопрос в течение заседания различных советов, комиссий, экспертиз, шуточный и доброжелательный в дружеской компании.

В 1962 г., во время воздушных испытаний, мы с ним были под Оленегорском, в военной авиационной части, летные экипажи которой осуществляли над опытным полем Новоземельского полигона непосредственный сброс бомб с новыми ядерными зарядами, которые требовалось испытать. Жили мы (и еще человек десять начальников всех рангов) в просторной комнате с большими окнами, вторые рамы которых то ли забыли поставить, то ли они и не были предусмотрены. Стоял ноябрь, и температура в комнате держалась около 10–12 градусов. Евгений Аркадьевич называл нашу комнату «морозильником для начальников», говоря при этом, что нам гарантировано возвращение домой с хорошо сохранившимися в холоде мозгами. С ними у нас действительно было все в порядке, но в остальном – кто чихал и сморкался, кто кашлял, а я простудил какой-то шейный нерв, и голову практически нельзя было повернуть. Каждое движение давалось с болью. Евгений Аркадьевич быстро это заметил и со словами: «Нельзя же допустить, чтобы главный конструктор на-

всегда остался односторонне смотрящим» пошел в воинскую медсанчасть. Вернулся он с мужчиной весьма внушительных размеров: «Вот привел тебе самого лучшего костолома части, он и не таким головы откручивал, так что держись». Врач оказался умелым, и после нескольких минут болезненных для меня процедур и пассов его рук наступило облегчение. Пока меня мяли, Евгений Аркадьевич куда-то сходил и привел нескольких солдат, которые перетащили мою кровать подальше от окна. «Спирт, положенный тебе на растирание, – сказал Евгений Аркадьевич, – отдашь мне». Но у меня нашелся эквивалент в виде бутылки коньяка, и отдавать спирт не пришлось. У Евгения Аркадьевича было твердое правило, которое он часто повторял: «Никогда не вмешивайся в действия подчиненных, если эти действия не угрожают их жизни. Но как только заметишь, что действия исполнителя становятся для него опасны, – вмешивайся без промедления, решительно и жестко». Я не спрашивал, пользовался ли он сам этим правилом, но, думаю, пользовался. Ему приходилось бывать на многих испытаниях и ответственных работах в качестве руководителя, а это значит, что когда случались всякие неожиданности, последствия которых требовалось устранять без промедления, он должен был действовать решительно и жестко. К провинившимся Евгений Аркадьевич никогда не применял излишне жестких наказаний, но не оставлял без внимания никакое нарушение требуемой дисциплины. «Всякий да получит по заслугам своим», – говорил он и был абсолютно прав, потому что в нашей работе всегда были и остаются операции, небрежное выполнение которых могло и может обернуться большой трагедией для всех работающих.

Как-то раз нам – коллективам, или экспедициям ВНИИЭФ и ВНИИТФ – пришлось проводить ядерные испытания в один день. Было это на Семипалатинском полигоне. Е. А. Негин руководил испытаниями нескольких ядерных зарядов, размещенных в штольне, я – испытанием одного ядерного взрывного устройства, которое опускалось в скважину. Эта операция требовала довольно длительной подготовки. Разобрав с Евгением Аркадьевичем несколько вариантов проведения взрывов, мы пришли, как нам казалось, к оптимальному выводу. Наша экспедиция первой начала подготовку, и выполнив наиболее сложные и длительные операции, мы сообщили об этом Евгению Аркадьевичу. Тогда в работу вступила его экспедиция, и теперь общее

*Валентина Романовна и Евгений Аркадьевич Негины
(апрель 1979 г.)*

время проведения взрывов – и в штольне, и в скважине, – определялось работой коллектива ВНИИЭФ. Когда до испытания осталось 10 минут, мы получили об этом сообщение из командного пункта ВНИИЭФ и включили свою автоматику подрыва. Теперь только ее надежностью определялся исход столь сложного события, как ядерное испытание нескольких зарядов, удаленных друг от друга на расстояние почти в 100 километров. Все прошло так же четко и без сбоев, как было и на генеральной репетиции. Мы поздравили друг друга сначала по телефону, а потом и за совместным ужином. Эта заключительная операция не могла, конечно же, пройти по-иному.

Евгений Аркадьевич был прекрасным главным конструктором. Большинство людей представляют себе главного конструктора эдаким провидцем, изобретателем, идеи которого реализуют безвестные сотрудники. Это превратное мнение опровергается всей деятельностью Евгения Аркадьевича. Он не вмешивался в процесс, если все шло нормально, целиком доверяя ведение конструкторских дел своему первому заместителю, Давиду Абрамовичу Фишману. Это был прекрасный тандем, в котором высокий профессионализм Д. А. Фишмана гармонично

дополнялся глубокими научными знаниями Евгения Аркадьевича, его личным обаянием.

После перевода директора ВНИИЭФ Л. Д. Рябева на работу в аппарат ЦК КПСС, встал вопрос о его преемнике. Выбор руководства Минсредмаша пал на Евгения Аркадьевича Негина. Наши исследовательские институты – что ВНИИЭФ, что ВНИИТФ, – представляют собой сложные научно-технические комплексы, в состав которых входят научно-исследовательские подразделения, производственные, энергетические и прочие службы, обеспечивающие жизнедеятельность института и города. Директор в таком институте занимается не столько наукой или техникой, сколько поддержанием этих комплексов в состоянии высокой работоспособности. Словом, нашему директору не позавидуешь, но кому-то надо нести эту ношу. Конечно, это должен быть человек, проверенный годами работы в отрасли и только назначаемый сверху. Выборы директоров, придуманные какими-то неумными или зловредными людьми во время перестройки, только подтвердили эту истину. Когда из ВНИИЭФ ушел Л. Д. Рябев, более достойного человека, чем Евгений Аркадьевич Негин, в институте не было. Похоже, он и сам был не против поработать директором. Но, признаться, неплохо зная Евгения Аркадьевича, я сначала все же удивился этому назначению. Мне казалось, что директорский пост – не для него. Позже я признал, что ошибся. Евгений Аркадьевич Негин и директором оказался превосходным, и с обязанностями главного конструктора продолжал справляться неплохо. Он жестко контролировал своих заместителей, справедливо считая, что именно они своей удачной или неудачной ра-

В кабинете директора ВНИИЭФ Е. А. Негина. Слева – Ю. Б. Харитон, справа – Л. М. Тимонин, В. П. Жогин, Г. А. Соснин. У стола с телефонами – Д. А. Фишман, Ю. А. Трутнев (начало 1980-х гг.)

Е. А. Негин с дочкой Олей (1959 г.)

ботой определяют удачи или неудачи ВНИИЭФ. Положение Евгения Аркадьевича как директора и главного конструктора осложнялось еще и тем, что в своей деятельности он был обязан считаться с мнением и привязанностями научного руководителя ВНИИЭФ академика Ю. Б. Харитона. Все вместе взятое, наверное, легло на плечи Е. А. Негина нелегким грузом. Как-то он сказал мне: «Никогда не думал, что так трудно быть директором. Я сильно надеялся, что Лев Дмитриевич оставит мне подготовленную почву. Но оказалось, что каждый директор должен сам готовить почву для себя и сам управлять своей командой. Никогда не соглашайся на эту должность». Я со смехом отвечал, что никому и в голову не придет предложить мне пост директора.

Хочу отметить еще одну примечательную черту Евгения Аркадьевича. Он постоянно следил за новинками литературы, покупал все интересные книги, очень много читал. С книгой его можно было увидеть дома, в машине, в которой шофер вез его на работу, и даже за столом председателя Государственной комиссии по проведению ядерного испытания. Когда на полигоне идут последние приготовления, истекают часы, а затем и минуты до слова «ноль» в обратном отсчете времени, а потом, через доли секунды, начинает вспучиваться земля или содрогаться гора, сердце колотится, как бешеное, хочется вскочить и бежать подальше от командного фургона. Мне довелось участвовать во многих ядерных испытаниях, и никогда не случилось так, чтобы я оставался спокойным при на-

чале отсчета последних минут, а затем и секунд перед взрывом. Я как-то спросил Евгения Аркадьевича, что он ощущает в подобной обстановке. Он мне ответил, что когда начинается обратный отсчет, ему становится почти дурно – как перед бездонной пропастью, в которую надо прыгнуть. «Но, – тут же добавил он, – я придумал средство успокоения: беру с собой в фургон книгу и сижу, читаю. Конечно, отвечаю на телефонные звонки, выдаю команды, слушаю обратный отсчет, но с книгой вроде бы легче». Я тоже стал пользоваться его рецептом, и, представляете, помогало.

Еще один эпизод, связанный с книгами. Из газеты «Книжное обозрение» я узнал, что вышла книга известного советского искусствоведа Чегодаева, посвященная истории американской живописи, и при встрече с Евгением Аркадьевичем посетовал, что не могу эту книгу достать. «А у меня она есть. Если будешь хорошо себя вести, получишь книгу и ты», – пообещал он и свое обещание сдержал. Я не помню случая, чтобы он не выполнил того, что обещал. Обычно он записывал все, что надо было сделать, на листочке и по мере решения вопросов вычеркивал пункт за пунктом. К сожалению, по завершению списка листок он уничтожал. А жаль: по этим записям можно было бы восстановить многие интересные моменты его жизни.

Евгений Аркадьевич очень любил свою семью, детей. Несмотря на занятость, радовался любой свободной минуте, чтобы побыть с дорогими его сердцу людьми. В это время находиться в его обществе было вдвойне интересно. Никогда не забуду, как отмечали его 50-летие. Это было в далеком 1971 г. Много лет прошло с тех пор, но воспоминание о том событии свежо в памяти.

...Потом наступило время его ухода и с поста директора, и с должности главного конструктора. Евгений Аркадьевич стал руководителем научной исторической лаборатории, которая работает и теперь, когда не стало ее мудрого и обаятельного начальника. Сотрудниками лаборатории выпущены книги, в которых запечатлены события истории ВНИИЭФ, биографии ее творцов, замечательных людей, чьим трудом добыта слава института.

ЛИТВИНОВ Борис Васильевич –
научный руководитель ВНИИТФ,
академик РАН